

Sent: Friday, February 22, 2013 9:35:45 PM
Subject: Re: Рассказ протоиерея Андрея Ткачев

Страна чудес

[Протоиерей Андрей Ткачев](#)

Вторую ночь подряд Петрович спал вполглаза. С боку на бок не ворочался и курить не вставал, но просыпался часто. Лежал, глядя на огонек фонаря за окном, и думал. Потом забывался коротким сном, чтобы через час опять проснуться. Его, Павла Петровича Дронова, водителя с 30-летним стажем, мужика, разменявшего полтинник, вот уже вторую ночь подряд тревожили слова, услышанные на проповеди.

Дело было в июле, в день праздника святых Апостолов. Петрович, будучи двойным именинником (лично и по батюшке), решил пойти на службу. Во-первых, теща пристала: пойди да пойди. Во-вторых, храм в микрорайоне был Петропавловский. А в-третьих — хватит, подумал Петрович, в гараже да во дворе с мужиками водкой баловаться, можно на именины разок и в церковь сходить. Эта неожиданная и благая мысль пришла Павлу Петровичу еще и потому, что именины были юбилейные. Дронову стукнуло 50. Но об этом он думать не хотел, а потому в число причин юбилейную дату помещать отказался. В церкви, как всегда на праздник, народу было — не протолкнешься. Дронов стоял возле аналоя с иконой Петра и Павла, и ему, изрядно сдавленному богомольцами, часто передавали свечи с коротким «к празднику». Жара и многолюдство сделали свое дело. Петрович, толком не знавший службу и не умевший вникать в общую молитву, скоро устал и раскаялся в том, что именины праздновал по-новому, а не как обычно. Он бы и ушел давно, но до дверей было далеко, и иначе как с боем сквозь толпу прихожан было не пройти. Полегчало, когда запели «Верую». Петрович басил с народом те слова Символа, которые знал, и чувствовал при этом какую-то бодрящую и неизвестную радость, от которой хотелось то ли заплакать, то ли всех обнять. То же повторилось и на «Отче наш». А потом произошло то, что впоследствии отняло сон у 50-летнего водителя Павла Петровича Дронова, человека, сгибавшего пальцами гвоздь-сотку и сентиментальностью не отличавшегося.

Священник что-то сказал из алтаря и замолчал. Завеса закрылась. Вышел мальчик в длинной одежде и поставил перед закрытыми Вратами свечу. Народ как-то сразу засуетился, задвигался, зашушукал. Петрович подумал, что самое время из храма выйти, но услышал громкое «Во имя Отца и Сына и Святого Духа» и решил остаться. Проповеди он слышал и раньше. Стараниями драгоценной тещи, маленькой старушки, одновременно и вредной, и набожной, Дронов переслушал в машине немало кассет. Великим постом, опять же по просьбе тещи, ходил он воскресными вечерами в храм слушать о страданиях Иисуса Христа. Но проповеди ему не нравились. Не нравился тон, торжественный и крикливый. Не нравились слова вроде «возлюбленные о Господе» или «дорогие мои». Павел Петрович дожил уже до тех лет, когда слова о любви больше раздражают, чем согревают. То, что люди живут по привычке и без радости, то, что никто никого особо не

любит, а батюшки исключением не являются, Петрович понимал давно и давно с этим смирился.

Но в этот раз слова священника Дронова зацепили. Священник был незнакомый, видно, пришел в гости на праздник. Видом — не святой, ростом выше среднего, крупный. Помоложе Петровича, но и не «деточка» («деточками» называла теща Петровича тех щуплых и безбородых молодых батюшек, которых так часто можно увидеть в наших строящихся или реставрирующихся храмах).

Священник начал говорить о Петре и Павле, но быстро сменил тему и продолжил уже о Христе. О том, что Христос жив и что Он во веки Тот же. О том, что Он ближе к нам, чем воздух, которым мы дышим и одежда, которую мы носим. При слове об одежде Павел Петрович повел плечами, почувствовал, как прилипла к спине намокшая от пота рубашка, но вместо духоты ощутил на лице прохладное дуновение, почти дыхание.

Священник продолжал о том, что Христос послужил нам, отдал всего Себя даже до излития крови, и мы теперь тоже должны послужить Ему. «Но где я найду Тебя, Господи?» — громко произнес проповедник и остановился. Храм замер и, затаив дыхание, ждал ответа.

«Ты рядом», — громко продолжал проповедник. «Ты — в каждом ближнем моем. Если Ты в больнице, я могу укрыть Тебя одеялом и посидеть ночь у Твоего изголовья. Если Ты раздет, я могу отдать Тебе свой пиджак или свитер. Я могу защищать и лечить, кормить и утешать Тебя, потому что все, сделанное мною ближним, Ты отнесешь лично к Себе». Павел Петрович слушал внимательно. Его голова была пуста, потому что ум, кажется, покинул ее и переместился сантиметров на тридцать ниже. Остановившись где-то в области груди, ум вместе с сердцем впитывал слова священника так, как сухая земля впитывает воду. Проповедь закончилась тем, что батюшка назвал блаженными всех медсестер, милиционеров, пожарных, поваров — всех тех, кто постоянно учит, лечит, кормит и спасает людей — словом, ежедневно служат Христу так, как они могут служить. Заканчивал священник уже не так связно и горячо. Один за другим заплакали на руках мамаш несколько младенцев. Народ опять заерзал и зашептал. Священник сказал «аминь» и как-то боком, неловко, вернулся в алтарь. Вскоре отодвинули завесу, и началось причащение. А Петрович вышел в образовавшийся проход и, перекрестившись на храм, пошел домой. Он не знал, да и не мог знать, что он был единственным человеком, проникшимся словами проповеди. Все остальные прихожане к вечеру забудут то, что слышали утром, и будут спать спокойно.

В тот праздничный день евангельский невод, брошенный незнакомым батюшкой в храме Петра и Павла, вытащил из глубины на берег только одну рыбу. Этой рыбой был отпраздновавший 50-летие Павел Петрович Дронов, таксист с 30-летним стажем, человек, не отличавшийся сентиментальностью.

Вторая ночь раздумий уже близилась к рассвету. «Не хирург, не офицер, не учитель», — думал про себя Петрович, перебирая в голове список профессий, основанных на человеколюбии.

— Я — таксист! — вдруг громко сказал, почти крикнул, Дронов и сел на кровать, тихо добавив -мать твою...- От звука его голоса проснулась жена и, не открывая глаз, сонно затараторила:

— А? Что? Паша, что случилось?

— Ничего, спи.

Дронов пошел на кухню за сигаретами, закурил и вышел на балкон (курить в квартире категорически запрещала теща). Фонари уже погасли. Воздух становился серым, и первые машины уже то и дело пролетали мимо сонных девятиэтажек, шурша шинами и явно наслаждаясь пустотой дороги. Дронов глубоко затягивался и медленно повторял одну фразу:

— Я вожу Христа... я вожу Христа...

Смысловое ударение он делал на втором слове: не лечу, не защищаю, а именно вожу. Он начал представлять себе лица реальных и возможных пассажиров: спешащих на вокзал, не успевающих на работу, целующихся на заднем сидении... Всех тех, кто от привычки к комфорту или от страха опоздать стоит на тротуаре и, вытянув правую руку, с надеждой смотрит на приближающуюся машину Дронова. Они часто сжимают кулак, а большой палец отставляют так, будто стоят не на тротуаре, а на трибуне амфитеатра и дарят жизнь раненому гладиатору.

Дронов не любил пассажиров. Последнее время он заметил, что люди стали более наглыми и вместе с тем жадными. Он докурил и щелчком отбросил окурочок далеко от балкона.

— Я вожу Христа — еще раз, как мантру, твердо произнес Петрович и ощутил смысл произнесенной фразы. Теперь смысл падал на последнее слово, на Имя. Тысячи людей, которых он до сих пор возил, по сути являлись одним Человеком. Только Дронов этого не знал, не думал об этом, а значит, прошлое не считается. Все эти лица способны составить огромный коллаж, они играли роль завесы, перегородки. Они отвлекали своим многообразием и прятали того Одного Пассажира, с помощью Которого все можно было собрать воедино и осмыслить. Собственно, Сам Христос играл с Дроновым в прятки. Он ежедневно клал Петровичу в багажник чемоданы и авоськи, торговался за сдачу, просил поторопиться, называл неправильные адреса и терпеливо ждал того момента, когда Петрович наконец поймет, Кого же он возит.

Петрович понял. Он понял, что теперь нельзя возить иностранцев кругами по всему городу, чтоб содрать с них в пять раз больше денег. Нельзя задерживаться на вызове, проезжать мимо бедно одетых людей, заламывать непомерные цены. Нужно делать все правильно, потому что это все непосредственно касается Бога. При таком отношении к работе, образно говоря, Дронов мог бы за 30 лет обеспечить место в Раю не только себе, но и своей «старушке» — 21-й «Волге», на которой намотал не одну сотню тысяч километров. Мог бы... Ему 50. В таком возрасте менять жизнь — дело нелегкое.

— И надо оно мне было — переться тогда в церковь? — спросил себя Петрович и пошел в ванную.

Спать уже было поздно, и он решил принять душ. Но горячей воды не было. Смысл жизни, недавно uznанный Дроновым, для работников котельни все еще был неизвестен. Им было пока невдомек, что горячая вода в трубах и батареях нужна для того, чтобы Христу было тепло и комфортно. Поэтому аварии случались регулярно и при многочасовых перекурах не ликвидировались неделями. Петрович умылся, пошел на кухню и поставил чайник на огонь. За окном уже рассвело. День обещал быть ясным.

Этот, казалось, обычный рабочий день в своей многолетней шоферской биографии Петровичу предстояло впервые провести по-новому.

Самая простая мысль — возить людей бесплатно — оказалась невыполнимой. Во-первых, боясь подвоха, люди отказывались ехать даром. Они устраивали с Петровичем борцовские схватки, пытаясь засунуть ему деньги в карман, или просто, выходя, оставляли их на сидении. Догонять пассажиров или объяснять им мотивы своего поведения было глупо. Даже супруге Петрович не рассказал о своих внутренних переменах. Он знал — громкие декларации о начале новой жизни заканчиваются поражением в тот же день. Сколько раз он, к примеру, докуривал свою «последнюю» сигарету, обещая бросить курить, но вечером того же дня или через день покупал очередную пачку. Нет, заявлять ни о чем не надо. Кстати, у жены возник бы резонный вопрос: как он будет содержать семью? Дети, конечно, взрослые и живут отдельно, но ведь и они с Татьяной не ангелы: им есть надо. О том, что набожная теща в сердцах может проклясть его за такую странную перемену, Дронов в глубине души догадывался и думать об этом не хотел.

Был полдень первого дня новой жизни. Пять или шесть клиентов своим поведением уже внесли коррективы в планы Петровича. Он припарковал «старушку» возле станции метрополитена и вышел, чтобы выпить где-то чашку кофе.

В большом городе трудно найти маленькое кафе. Петровича приютил салон игровых автоматов. Внутри был бар, и там варили кофе. Было накурено, дым висел слоями, как отрезки легкой белой ткани, поднятые ветром. Автоматы мигали и звенели, а возле них, втупившись оловянными глазами в вертящиеся барабаны, сидели люди. Люди проигрывали зарплату, пили пиво и мечтали обогатиться. Петрович подумал, что эти лудоманы в другое время могут быть его пассажирами, а значит, и они — те, отношение к кому оправдывает или осудит его на Страшном Суде. «Все, что сделали им, Мне сделали». Оговорок в законе не было.

Допив кофе, Дронов вышел на улицу. На светофоре собралась большая пробка. Какой-то старенький «форд» заглох посреди дороги. «Баба», — с сердцем сказал про себя Петрович. Как любой нормальный мужик, женщин за рулем он, мягко говоря, недолюбливал. Подойдя ближе, он увидел, что капот открыт, и в нем, согнувшись, копошится молодой человек. Объезжая его, водилы высовывались в окна и говорили разные вещи из числа тех, что в кино перекрываются плачущим звуком. Парень не высовывал голову из капота, и было ясно, что он не ремонтирует машину, а, имитируя ремонт, прячется от водительского гнева.

Петрович понял, что должен помочь. Но вместе с этим ясным пониманием он ощутил, что помогать совсем не хочет. Изменение жизненных ценностей с комфортом и удовольствием, оказывается, было никак не связано. Петрович вдруг вспомнил одного коллегу-таксиста, который стал ходить к адвентистам. «От винтисты» — шутя называл их про себя Дронов. Этот коллега однажды часа два впаривал ему, Петровичу, одну простую мысль: с тех пор как он поверил, все проблемы ушли прочь. Курить бросил, матом не ругаюсь, жене верен. А главное — полный душевный комфорт. Петрович и тогда делил услышанное на два. Уж больно жаден был мужик, и с приходом в адвентизм от жадности,

по-видимому, никак не исцелился. Сейчас же он вспомнил коллегу из-за контраста: у того вера рождала комфорт, а у Дронова — проблемы. Может, они в разных Иисусов поверили?

Короче, Петрович был обязан помочь и вовсе не хотел этого делать.

— Чего там? — спросил Дронов у водителя «форда» таким тоном, будто сам был хозяином машины.

— Не знаю, — ответил парень. Может, свечи, а может, еще что...

— Трос есть?

— Есть.

Водитель «форда» засуетился, достал из багажника трос и с благодарно сияющими глазами сказал:

— Мне только до моста. Дотянете? Сколько?

Павел Петрович не ответил. Он молча пошел к «старушке», завел двигатель и с трудом стал выруливать туда, откуда можно было взять «форд» на буксир. Минут через десять они уже ехали: счастливый водитель «форда» и насупленный Павел Петрович. Когда подъехали к месту, парень стал рассыпаться в благодарностях и совать Дронову в руки мятые денежные купюры. Сопротивляться не хотелось. Петрович деньги взял и, сопровождаемый фразами типа «дай вам Бог здоровья», «вы мне так помогли», повел «старушку» куда глаза глядят.

Дронов ехал медленно и думал. А думать было над чем. Во-первых, опыт угождения Христу оказался опытом насилия над собой. Об этом Петрович никогда не думал и нигде не читал. Учитывая то, что жизнь продолжается, перспектива вырисовывалась интересная. Это что же, так всю жизнь напрягаться?

Второе: когда Петрович цеплял трос и с болью в сердце тащил «форд», слушая, как напрягается и рычит его старенькая «Волга», о Христе он не думал. Пацан, заглохший на перекрестке, в это время у Дронова с Иисусом не ассоциировался. Можно было спросить себя: «Чего ради я вообще взялся помогать?» Но вместе с тем было ясно: не будь той проповеди и тех двух ночей с размышлениями — дули с маком он бы стал помогать первому попавшемуся сопляку.

Наконец, было и третье. Была радость, вот только теперь начавшая согревать Петровичу сердце. Радость наполняла грудь теплом и даже мешала ехать. Обычно, когда Дронов радовался, он жал на газ и во все горло пел «Вот кто-то с горочки спустился». А эта радость как-то не совпадала ни с лихой ездой, ни с народной песней. Петрович взял вправо, остановился, выключил мотор. Он прислушался к себе и улыбнулся. Если бы кто-то в этот момент присмотрелся к нему, 50-летнему мужику, могущему согнуть в пальцах гвоздь-сотку, то этот кто-то подумал бы, что Петрович через наушники слушает какую-то очень важную и долгожданную новость. И оттого глаза его ничего не видят, хоть и широко раскрыты, а лицо блаженно улыбается.

Эх, город, город. Ты взметнулся в небо домами и строительными кранами, но совсем не знаешь об ином Небе, на котором об одном покаявшемся грешнике все Ангелы радуются. Ты подгрел к себе миллионы людей и смотришь на их суету, как на растревоженный муравейник. Но ты никогда не заметишь в этой толкотне одного остановившегося

муравья, ошеломленного чувством вечности. Впрочем, какой с тебя спрос? Ведь и сами снующие муравьи этого, остановившегося, не замечают.

Петрович вышел из машины и осмотрелся. Он тормознул недалеко от маршрутной остановки. Рядом копошился продуктовый рынок, и на остановке стояло немало людей с сумками, полными только что купленной еды. Видно, маршрутки долго не было. Внимание Дронова привлекла одна старуха. Одежда на ней была тепла не по сезону, ее сумка была почти пуста, а сама она стояла согнувшись и опираясь на палку. Глаз не было видно. Их скрывали солнцезащитные очки, но было понятно: если их снять — на вас бы взглянули глаза человека, не знающего, зачем он живет и уставшего от этой мысли. Ольга Семеновна — так звали женщину — действительно не знала, зачем она живет. Всего неделю назад она похоронила единственного сына. Костя был трезв и переходил дорогу в положенном месте. А вот «джип» не только ехал на красный, но и, сбив человека, не остановился.

Невестка после развода жила отдельно и единственную внучку к Ольге Семеновне не пускала. Женщина стояла в ожидании автобуса, но в то же время ехать в пустую квартиру не хотела. Машина, остановившаяся под носом, звуком своих тормозов заставила Ольгу Семеновну вздрогнуть.

— Садись, мать, подвезу.

Народ на остановке оживился. Молодые женщины и девушки, видя подъехавшую «Волгу», были готовы к любой ситуации, но только не к этой. Некоторые из них подумали, что шофер шутит, подтрунивает над бабкой, а на самом деле «кадрит» кого-то из молодых. Одна или две даже заулыбались и одновременно с вызовом и ожиданием уставились на Петровича.

Надо отметить, что Дронов и в свои 50 был красив той мужеской красотой, которая женщинами не созерцается, а чувствуется на расстоянии. Он мог не рассыпаться в комплиментах, быть немногословным и спокойным. Женщины все равно замечали его и к нему тянулись. Но это были дела прошедшие. А сейчас Петрович спрашивал не верящую своим ушам старую женщину, где она живет, и предлагал подвезти.

Ольга Семеновна читала в газетах и слышала по телевизору о разных маньяках и убийцах, со старушками на лавочке песочила наставшие злодейские времена на чем свет стоит, но Дронову она сказала адрес и с большим трудом, кряхтя и охая, залезла в машину. Машина тронулась, оставив позади одних людей улыбающимися, других — пожимающими плечами. По дороге старушка медленно рассказывала свою беду, а Петрович по-шоферски прикидывал, как долго салон его «Волги» будет хранить смешанный запах лекарств, мочи и нафталина.

Когда приехали, Павел Петрович помог женщине выйти и зачем-то сунул ей в руку 20 долларов («заначка» в правах на всякий случай). Потом, стыдясь собственной доброты и немного жалея об отданных деньгах, сел в машину, сдал назад и лихо выехал из двора. На этот раз ни тепла, ни радости не было. Была жалость к старому человеку, брезгливость от запаха, оставленного этим человеком, и еще сложная смесь из разных чувств, в которых

Петрович решил не разбираться. Он уже начал понимать, что попал в такую Страну чудес, где далеко не все поддается пониманию.

Зато радость была у Ольги Семеновны. Рассудок говорил ей, что это сон, но 20 долларов в кармане рассудку противоречили. И еще было тепло в груди и хотелось плакать. Хотелось поблагодарить, поцеловать руку, поклониться. И даже не шоферу (его старушка толком и не разглядела), а кому-то другому.

В тот вечер Ольга Семеновна не включила телевизор и не стала смотреть сериал. Она зажгла возле фотографии сына свечу и долго молча сидела на кухне. Ей было спокойно. Уже совсем поздно, часов в одиннадцать, позвонила невестка и сказала, что завтра приведет Катю — внучку.

Ранее опубликовано